

RICHARD
POWERS

THE OVERSTORY

РИЧАРД ПАУЭРС

ВЕРХНИЙ ЯРУС

Перевод с английского Николая Кудрявцева

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)
П21

Richard Powers
THE OVERSTORY

Russian translation rights arranged with Melanie Jackson
Agency, LLC
through AJA Anna Jarota Agency

Перевод с английского: *Николай Кудрявцев*

В оформлении использована иллюстрация
Василия Половцева

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

ISBN 978-5-17-113340-5

© THE OVERSTORY
Copyright © 2018 by Richard Powers
© Николай Кудрявцев, перевод, 2023
© Василий Половцев, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Посвящается Ауге

Величайшей радостью, которой способствуют поля и леса, является предположение о сокровенной связи между человеком и растительным миром. Я не одинок, я признан. Они кивают мне, а я — им. Ветви, качающиеся под натиском бури, новы для меня и одновременно стары. Они удивляют, но все же известны мне. Их воздействие сходно с высшей мыслью или лучшим чувством, что посещает меня, когда я полагаю, что мысль моя справедлива, а деяния правильны.

*Ральф Уолдо Эмерсон*¹

Земля может быть живая: не в том смысле, в каком ее видели древние — как богиню, обладающую разумом, целеполаганием и предвидением,— но живая, как дерево. Дерево, что тихо существует, не двигается, если не считать покачивания на ветру, но ведет бесконечную беседу с солнечными лучами и почвой. Использует свет, воду и питательные минералы, чтобы расти и меняться. Но все это происходит настолько незаметно, что для меня старый дуб на поле совершенно не изменился с самого моего детства.

*Джеймс Лавлок*²

Дерево... он наблюдает за вами. Вы смотрите на дерево, а он вас слушает. У него нет пальцев, он не умеет говорить. Но этот лист... он гонит воздух, растет, растет в темноте. Когда вы спите, вам что-то снится. С деревьями и травой также.

*Билл Нейджи*³

¹ *Ральф Уолдо Эмерсон* (1803—1882) — американский эссеист, поэт, философ, в своем эссе «Природа» (1836) одним из первых сформулировал положения философии трансцендентализма.

² *Джеймс Лавлок* (1919—2022) — британский ученый, эколог и футурист, создатель Гипотезы Геи, согласно которой земля функционирует как суперорганизм.

³ *Большой Билл Нейджи* (ок. 1913—2002) был последним оставшимся в живых носителем языка гаагуджу, аборигенов Австралии. Он был старейшиной их народа и хранителем земли, который заботился о сохранении культуры гаагуджу и стоял у истоков создания Национального парка Какаду, пожалуй, самого впечатляющего и разнообразного из национальных парков Австралии, получившего статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО.

КОРНИ

В начале не было ничего. Потом было все.

В парке над западным городом, ближе к ночи, воздух сыпет посланиями, будто каплями дождя. На земле сидит женщина, прислонившись к сосне. Кора врезается ей в спину, жестко, как жизнь. Древесный запах разливается вокруг, а в сердце ствола рокошет сила. Уши женщины настроены на малейшие колебания. А дерево говорит словами, что были раньше слов.

Оно говорит: Солнце и вода — вопросы, всегда стоящие ответов.

Оно говорит: Хороший ответ надо раз за разом изобретать с нуля.

Оно говорит: Каждую крупицу земли надо хватать поновому. Ветвь вьется так, как не способен изобразить ни один карандаш. Можно путешествовать всюду, просто оставаясь на месте.

И женщина странствует именно так. Сигналы сыплются вокруг нее, подобно семенам.

Разговор сегодня идет отвлеченный. Изгибы ольхи ведут речь о давно прошедших катастрофах. Бледные свечки каштановых цветов отрясают пыльцу; скоро они превратятся в шипастые плоды. Тополы повторяют сплетни ветров. Хурма и орех выставляют свои подарки, а рябины — кроваво-красные гроздья. Древние губы машут предсказаниями будущей погоды. Несколько сотен видов боярышника смеются над одним именем, которое вынуждены

делить. Лавры настаивают, что даже смерть — ничто и не стоит терять из-за нее сон.

Что-то в аромате воздуха приказывает женщине: Закрой глаза и вообрази себе иву. Ты сразу представишь плакучую, но это неправильно. Вообрази шип акации. Ни одна твоя мысль не будет настолько острой. Что парит прямо над тобой? Что летает над головой прямо сейчас — сейчас?

Присоединяются деревья, находящиеся еще дальше: Вы по-разному представляете нас: заколдованные мангровые леса на ходулях, перевернутая лопата мускатного ореха, сучковатые стволы байи, прямые ракеты шореи, — но всегда видите ампутированными. Ваш вид не может разглядеть нас полностью. Вы упускаете половину, а то и больше. Под землей всегда столько же всего, сколько и на земле.

Вот в чем беда с людьми, их корневая проблема. Жизнь бежит рядом с ними, невидимая. Прямо тут, буквально по соседству. Создает почву. Перерабатывает воду. Обменивается питательными элементами. Творит погоду. Строит атмосферу. Кормит, лечит, дает приют большому количеству существ, чем человек способен сосчитать.

Хор живых деревьев поет женщине: Если бы твой разум был хотя бы слегка зеленее, мы бы утопили тебя в смысле.

Сосна, к которой она прислонилась, говорит: Слушай. Тебе надо кое о чем услышать.

НИКОЛАС ХЁЛ

НАСТУПАЕТ ВРЕМЯ КАШТАНОВ.

Люди швыряют камни в гигантские стволы. Орехи падают вокруг неземным градом. В это воскресенье так происходит повсюду, от Джорджии до Мэна. В Конкорде свою долю вносит Торо. Он чувствует, что бросает камни в разумных созданий с более притупленными чувствами, но все же кровных родственников. «Старые деревья — это наши родители и, быть может, родители наших родителей. Если вы хотите обучиться секретам Природы, то должны чаще практиковать человечность...»

В Бруклине, на Проспект-хилл, недавно приплывший в город Юрген Хёл смеется при виде тяжелого дождя. Каждый раз, когда его камень попадает по стволу, сверху лопатами падает еда. Люди мечутся, как воры, набивают кепки, мешки, карманы штанов орехами, освобожденными от колочек. Вот он, прославленный свободный банкет Америки — еще один внезапный куш в стране, что даже объедки берет прямо с господнего стола.

Норвежец и его друзья с Бруклинской верфи едят добычу, запекая ее в золе огромных костров, разведенных на рощи в лесу. Обожженные орехи радуют сверж всяких слов: сладкие и островатые, насыщенные, как подслащенный картофель, одновременно такие обычные и таинственные. Ершистые скорлупки колются, но их «нет» скорее дразнит, чем

создает препятствия. Орехи сами хотят выскользнуть из-под шипов. Каждый добровольно желает быть съеденным, чтобы остальные распространились как можно дальше.

Этой ночью, чуть не пьяный от печеных каштанов, Хёл делает предложение Ви Поуис, ирландской девушке, она живет в окруженных соснами домах, находящихся примерно в двух кварталах от его съемной комнатенки на краю Финнтауна. На расстоянии трех тысяч миль вокруг никто не может возразить молодым. Они женятся еще до Рождества. К февралю становятся американцами. Весной каштаны расцветают снова, длинные лохматые сережки развеваются на ветру, как барашки на серовато-голубых волнах Гудзона.

Вместе с гражданством приходит голод до неукротимого мира. Пара собирает пожитки и посуху отправляется по великим дорогам восточной белой сосны, через темно-буковые леса Огайо и заросшие дубами холмы Среднего Запада прямо до поселка рядом с фортом Де-Мойн в новом штате Айова, где власти раздают землю, только вчера нанесенную на карту, любому, кто пожелает ее возделывать. До ближайших соседей тут мили две. В тот первый год Хёлы вспахивают и засаживают четыре десятка акров. Кукуруза, картофель и бобы. Работа адская, но на себя. Всяко лучше, чем строить корабли для флота какой-либо страны.

Потом в прерии приходит зима. Холод испытывает их волю к жизни. Ночи в дырявой хижине студят кровь до нуля. Каждое утро приходится разбивать лед в кадке, чтобы ополоснуть лицо. Но Хёлы молодые, свободные и целеустремленные — только от них зависит их собственная жизнь. Зима не убивает их. Пока не убивает. Черное отчаяние в сердце сжимается, спрессовывается до алмаза.

Когда снова приходит пора сеять, Ви беременна. Хёл прижимается ухом к ее животу. Она смеется при виде его ошарашенного лица:

— Что он говорит?

Он отвечает на своем грубом и тяжелом английском:

— Накорми меня!

В мае Хёл находит шесть каштанов в кармане рабочего комбинезона, в нем он делал предложение жене. Юрген закапывает их в землю западной Айовы, в плоской, лишенной деревьев прерии вокруг дома. Ферма в сотнях миль от естественного ареала каштанов, в тысяче от каштановых пиров Проспект-хилл. С каждым месяцем Хёл все с большим трудом вспоминает те зеленые леса Востока.

Но это Америка, где люди и деревья водят самые примечательные знакомства. Хёл сажает, поливает и думает: «Однажды мои дети ударят по стволу и поедят бесплатно».

* * *

ПЕРВЕНЕЦ УМИРАЕТ В МЛАДЕНЧЕСТВЕ, его убивает нечто, пока не имеющее даже названия. Микробов еще нет. Детей забирает только Бог, хватая временные души из одного мира в другой по какому-то непонятному расписанию.

Один из шести каштанов не дает побегов. Но об остальных ростках Юрген Хёл заботится. Жизнь — это битва между Создателем и Его творением. Хёл становится в ней специалистом. Уход за деревьями ничтожен по сравнению с другими войнами, которые ему приходится вести каждый день. В конце первого сезона его поля полны, а лучшие из саженцев набирают высоту в два фута.

Через четыре года у Хёлов уже три ребенка и намек на каштановую рощу. Побегии длинные и тонкие, их коричневые стволы покрыты чечевичками. Сочные, рельефные, зубчатые, колючие листья больше тонких веточек, на которых распускаются. Если не считать их и нескольких крупноплодовых дубов в низине, ферма подобна островку в море травы.

Даже такие крохотные каштаны уже полезны:

Чай из молодых побегов от проблем с сердцем,
юные листья для лечения язв,
холодная настойка из коры, чтобы остановить
кровотечение после родов,
разогретые галлы, чтобы обработать пупок младенца,
отвар листьев со жженым сахаром от кашля,
припарки от ожогов, листья для набивки матрасов,
экстракт от отчаяния, когда страдание слишком сильно...

Годы катятся, то жирные, то тощие. В среднем скорее прижимистые, но Юрген замечает улучшения. Каждый год он вспахивает все больше земли. И будущей рабочей силы у Хёлов все прибавляется. Об этом заботится Ви.

Деревья толстеют, словно зачарованные. Каштан быстр: «к тому времени, как ясень сделал бейсбольную биту, у каштана получился целый шкаф». Склонись над побегом, и он выколет тебе глаз. Бороздки на коре закручиваются, как полосы на столбике у парикмахерской, по мере того как стволы тянутся вверх. На ветру ветви мерцают темно- и бледно-зеленым цветом. Чаши листьев разворачиваются, желая заполучить еще больше солнечного света. Они машут влажному августу так, как жена Хёла иногда встряхивает своими распущенными, когда-то янтарными волосами. Когда в новорожденную страну снова приходит война, пять деревьев уже становятся выше того, кто их посадил.

Безжалостная зима шестьдесят второго года пытается забрать еще одного ребенка, но удовлетворяется каштаном. Старший сын Хёлов, Джон, уничтожает еще один следующим летом. Мальчику даже не приходит в голову мысль, что дерево умрет, если сорвать половину листьев ради игрушечных денег.

Хёл дерет сына за волосы:

— Ну и как тебе? Нравится? А?

Он залепляет сыну пощечину. Ви приходится встать между ними, чтобы остановить наказание.

В шестьдесят третьем году начинается призыв. Первыми идут молодые и одинокие мужчины. Юргену Хёлу уже тридцать три, у него жена, маленькие дети и пара сотен акров земли, он получает отсрочку. Он так и не помогает сохранить Америку. Ему приходится спасти страну поменьше.

В Бруклине поэт, санитар, помогавший умирающим Союзу, пишет: «Былинка травы не меньше движения звезд»¹. Юргену не суждено прочесть эти слова. Любые слова кажутся ему какой-то хитростью. Кукуруза, бобы, тыквы — все растущее куда полнее раскрывает бессловесный разум Бога.

Наступает еще одна весна, и на трех оставшихся деревьях пробиваются сливочные цветы. Они пахнут едко, остро, кисло, как старые ботинки или зловонное исподнее. А затем появляется горстка сладких орехов. Даже этот крошечный урожай напоминает фермеру и его уставшей жене о падающей с небес манне, что когда-то ночью свела их вместе в лесах к востоку от Бруклина.

— Будут целые бушели,— говорит Юрген. Мысленно он уже делает из них хлеб, кофе, супы, пироги, подливки — все те деликатесы, которые, как известно аборигенам, могут дать каштаны.— Сможем излишки продавать в городе.

— А на Рождество дарить соседям,— решает Ви.

Но это соседям суждено спасти Хёлов во время жуткой засухи этого года. Еще один каштан умирает от жажды, когда даже на будущее нельзя потратить и капли воды.

¹ Уолт Уитмен «Песни о себе» (пер. К. Чуковского). В период Гражданской войны в США, с 1861 по 1865 годы, Уолт Уитмен был добровольцем-санитаром в госпиталях северян.

Проходят годы. Коричневые стволы становятся серыми. Так как в прерии нет других высоких целей, в сухую осень молния бьет в очередную каштан. Древесина, которая могла бы согнуться на все, от колыбелей до гробов, занимается пламенем. Остается так мало, что не хватит и на сносную табуретку.

Единственное оставшееся дерево по-прежнему цветет. Но его цветам нет ответа. У него нет сородичей на бесчисленные мили вокруг, а каштан, пусть он и мужской, и женский одновременно, сам себя не опыляет. И все же в тонком живом цилиндре под корой он таит секрет. Его клетки подчиняются древней формуле: «Не двигайся. Жди». Выживший знает, что даже нерушимый закон настоящего можно пережить. И есть работа. Звездная работа, но в то же время земная. Или же, как пишет санитар для мертвецов Союза: «Будьте холодны и безмятежны пред миллионом вселенных». Безмятежны, как древесина.

ФЕРМА ВЫЖИВАЕТ в хаосе Господней воли. Через два года после Аппоматтокса, в перерыве между вскапыванием и вспашкой, посевом, прополкой и уборкой, Юрген заканчивает постройку нового дома. Урожай приходит и уходит. Сыновья Хёла входят в колею рядом со своим отцом, больше похожим на быка. Дочери рассеиваются в браках по близлежащим фермам. Появляются новые деревни. Грунтовка рядом с фермой превращается в настоящую дорогу.

Младший сын работает в конторе налогового инспектора округа Полк. Средний становится банкиром в Эймсе. Старший, Джон, остается на ферме, с семьей, и работает, пока его родители угасают. Джон Хёл приступает к делу с рвением, прогрессом и машинами. Он покупает паровой трактор, который пашет и молотит, жнет и вяжет снопы. Когда работает, тот ревет так, словно вырвался из самого ада.